

Потяни за ниточку – клубок и разматывается... (к вопросу о предметном коде культуры)¹

© доктор филологических наук В.В. Красных, 2013

В статье рассматриваются с позиций лингвокультурологии феномены культуры и лингвокультуры, определяется код культуры, приводится пример лингвокультурологического анализа языковой единицы *нитка*, которая в сфере лингвокультуры выполняет функцию означающего культурноносных смыслов, т. е. выступает как тело знака языка культуры.

Ключевые слова: культура, лингвокультура, культурная коннотация, лингвокультурология, код культуры, предметный код культуры

И в меня совершенство проникло
И погладило тихо плечо:
“Вероника, – шепча, – Вероника,
Я побуду с тобою еще”.

В. Долина

Прошло уже больше года с тех пор, как ушла из жизни Вероника Николаевна, наша «ВН». Так мы ее называли в переписке. Позволю себе писать так и сейчас, как будто не было этого времени – «после»...

ВН всегда *была в диалоге*, она всегда интересовалась тем, что делается в науке: «Вита, расскажите, о чем Вы сейчас думаете? Над чем работаете? О чем пишете?». Да, она не всегда и не сразу принимала идеи. Помню ее искреннее удивление, когда в начале 2000-х мы обсуждали одну мою работу, которую она накануне прочитала: «Лингво-культура?!» – и вопрос в глазах... До сих пор слышу ее интонацию и вот это произнесение по слогам... Но ВН не была бы ВН, если бы она просто отметала то, что ей, как она иногда говорила, *не ндра*. Она всегда пыталась понять, разобраться, *проникнуть в суть*, продумывала проблему, выдвигала аргументы «за» и «против»... и спустя какое-то время «выдавала на гора» фейерверк блистательных мыслей, искрометных идей, головокружительных находок, с неожиданными поворотами, разворотами... «Вероника Николаевна, это же Ваша идея! – Чушь! Не говорите ерунды! Это Ваша идея. И не надо мне приписывать чужое. Сами придумали – сами будете отвечать.» И так всегда. Она была удивительно шепетильным и щедрым человеком...

¹ При написании этой статьи автор опирался на опыт работы над «Большим фразеологическим словарем русского языка» [БФСРЯ], который был создан коллективом единомышленников под руководством В.Н. Телия.

Общение с ВН – это пиршество ума. За полетом ее мысли не всегда было легко поспеть и уследить, подчас требовались титанические усилия, чтобы не отстать, не потеряться, не упустить что-то важное, сокровенное. Сколько раз мы все – ее ученики, последователи, поклонники – просили ее написать хотя бы маленькую статью о том, что она нам говорит. И сколько раз мы получали ответ: «Я это уже поняла. И мне это уже неинтересно. Давайте лучше подумаем над...»

ВН оставила после себя немало работ. Многие из них стали классикой. Сегодня заниматься фразеологией, проблемами сочетаемости, лингвокультурологией и не иметь за спиной Телия – уже невозможно. Это есть, и это будет. Но самое главное – она оставила нам свои идеи, свои мысли, свои провидения. А по сути она оставила нам себя. Мы все еще в диалоге. Да пребудет так.

* * * * *

В рамках данного разговора *КУЛЬТУРА* понимается по В.Н. Телия – как «мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой»² [Телия 1996: 222]. При таком понимании культуры «мир материального» и «мир идеального / ментального» рассматриваются с точки зрения их взаимодействия, взаимовлияния и взаимозависимости: анализу подвергаются не сами артефакты (как, из чего и для чего они сделаны) или действия с ними, направленные на удовлетворение некоторой потребности (как они используются в повседневной или какой-либо особой практике) и под., но их осмысление и переосмысление в культуре (какое место они занимают, какие функции выполняют и проч.). По сути дела, речь идет о совокупности представлений (в самом широком смысле термина), в которых так или иначе отражается и закрепляется то, как представители данного сообщества видят, ощущают, понимают, интерпретируют, оценивают, объясняют (в первую очередь для себя), в конце концов, осознают окружающий их мир [Красных 2007, 2009, 2011а, 2011б]. При этом «культура – это своеобразная память народа» [Телия 1996: 226]. В этом безусловно прослеживается связь с идеями Ю.М. Лотмана, которые неоднократно высказывались им в разных работах (см., напр., [Лотман 1992; Лотман, Успенский ЭР]) и которые нашли отражение в работах других исследователей (см., напр., [Ассман 2004]).

Соответственно, *ЛИНГВОКУЛЬТУРА* предстает как *культура оязыковленная, овнешненная и закреплённая в знаках языка и явленная нам в языковых процессах*. По своей сути она есть феномен лингво-когнитивный, формируемый не языковыми

---

² Здесь и далее в цитатах сохранена разбивка оригинала.

единицами, но в первую очередь *образами сознания в их вербальных*, так сказать, *одеждах*. Иначе говоря, при изучении лингвокультуры (и в этом отличие от исследований языковой картины мира) акцент смещается – и это смещение принципиально важно – с *языка*, овнешняющего образы, на *образы*, овнешняемые в языке. Или, другими словами: с *означающего* – на *означаемое* (см., напр., [Красных 2008, ЦМО 2009а, 2009б, 2011а, 2011б, 2012]). Следовательно, *знаки языка* (в лингвистическом понимании этого термина) рассматриваются как *тела знаков языка культуры*; см.: «Естественный язык, когда он выполняет по отношению к культуре орудийную функцию, обретает роль языка культуры: двусторонние единицы естественного языка становятся “телами” культурных знаков» [Телия 1996: 226-227], см. также [Телия 2005, 2006]. В продолжение идей В.Н. Телия можно сказать, что на пространстве лингвокультуры *язык выполняет функцию означающего, а в роли означаемого выступают культуросные смыслы, образы культуры, сама культура*.

Краеугольным камнем в изучении лингвокультуры является понятие *КУЛЬТУРНОЙ КОННОТАЦИИ*, введенное и разработанное В.Н. Телия [Телия 1996]. Культурная коннотация понимается как «в самом общем виде интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры. <...> средством воплощения культурно-национальной специфики фразеологизмов служит образное основание <...>, а способом указания на эту специфику является интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном “пространстве” данного языкового сообщества» [Указ.соч.: 214, 215] (см. также [Телия 2004б]).

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, основы которой заложила и разработала В.Н. Телия, неоднократно определялась ею же самой как «наука о живодейственной связи языка и культуры» (см., напр., [Телия 2004а, 2008]), изучающая живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа, исследующая то, что В.Н. Телия называла «археологией культуры».

Одним из излюбленных вопросов лингвокультурологов является вопрос «почему?»: почему *на ночь глядя* говорится с неодобрением, почему плохо *выносить сор из избы*, почему в минуту отчаяния мы *рвем на себе волосы* и *кусаем локти*, почему можно сказать *чистой воды ложь*, но **чистой воды правда* невозможно, почему мы спим *без задних ног* и т. д. и т. п. Почему для нас одинаково плохо *распускать руки* и *связывать себе руки*? Почему *вить веревки* из кого-либо – это всегда плохо, а

вот *гнуть в бараний рог* может и не быть предосудительным? А кроме этого, в чем разница *под рукой* и *рукой подать*, *вне себя* и *не в себе*? Какие ипостаси человеческого «я» зафиксированы в идиомах *владеть собой*, *выйти из себя*, *не по себе*? Как располагается русское пространство по оси «далеко – близко»: по вертикали или по горизонтали? Как вообще мы членим пространство и время? Где проходит граница между «своим» и «чужим»? Почему для русских *Дон Кихот* в первую очередь бессребреник, а для испаноговорящих и англоговорящих, например, не очень умный человек? Почему *свинья* или *слон*, сказанные в адрес человека, для русских звучит как оскорбление, а для японцев или индийцев, соответственно, как комплимент? И почему русская *курица* принципиально отлична от своей китайской «сестры» и при этом оказывается «тождественной» китайской *свинье*?³ Из этого краткого перечня уже, по-видимому, понятно, что лингвокультурология действительно ставит и пытается найти ответы на вопросы, связанные с мировидением человека, его мироощущением и осознанием себя в этом мире.

Одним из основных понятий, которыми оперирует данная дисциплина, является понятие *КОД КУЛЬТУРЫ*. В лингвокультурологии есть несколько трактовок данного термина, но, как представляется, практически все они восходят к пониманию, предложенному В.Н. Телия (см., напр., [Телия 1996, 2006]). Думаю, не слишком погрешу против истины, если предложу следующее определение: код культуры – *это формирующая определенный фрагмент образа мира совокупность ментефактов, связанных с наделенными культурными смыслами феноменами, относящимися к одному типу и/или к одной сфере бытия. Имена последних несут в дополнение к основным значениям, отражающим свойства именуемых феноменов, функционально значимые для культуры смыслы, что обуславливает их функционирование в качестве эталонов, символов и образных оснований метафор и тем самым позволяет рассматривать данные единицы как тела знаков языка культуры, т. е. придает этим именам роль знаков лингвокультуры* [Красных 2011а, 2011б]. Вместе с тем, код культуры может пониматься и как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членил, категоризует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, эти представления они и «кодируют». Можно сказать, что коды культуры «образуют» систему координат, которая содержит и задает эталоны

³ Как показали опросы китайских информантов, эталоном глупости в китайской лингвокультуре оказывается именно *свинья*, а *курица* служит обозначением женщины легкого поведения.

культуры, и обслуживают, в частности, метрически-эталонную сферу окультуренного человеком мира [Красных 2003].

Коды культуры как феномен универсальны по природе своей, свойственны человеку как *Homo Sapiens*. Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда культурно детерминированы и обуславливаются конкретной культурой.

В литературе можно встретить весьма аргументированные рассуждения о различных кодах, таких, например, как антропный, анатомический / соматический / телесный, зооморфный, растительный, предметный / вещный / артефактивный, пищевой / гастрономический, акциональный / поведенческий, духовный и проч. Однако я полагаю, что базовых, наиболее «крупных», внутри которых могут выделяться и остальные коды культуры, не может быть много по определению.

В настоящей работе я очень коротко представляю один из базовых кодов культуры, а именно: предметный код. Он относится в первую очередь к миру Действительное и связан с предметами, заполняющими пространство и принадлежащими окружающему миру. Вслед за В. Н. Телия, предметный код можно определить как совокупность имен или их сочетаний, которые обозначают объекты и предметы, в том числе, повседневного обихода и приписываемые им свойства и несут в дополнение к природным их свойствам функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим именам роль знаков «языка» культуры и лингвокультуры.

Итак, рассмотрим некий предмет, артефакт, с которым мы имеем дело с первого и до последнего мгновения свой жизни, который повсеместно и ежесекундно в величайшем множестве своем окружает нас и без которого мы, современные люди, не можем представить себе свое существование. Речь пойдет о простой *нитке*.

Сразу оговорюсь, что в рамках одной статьи я не смогу рассмотреть все ипостаси сего замечательного предмета, да, признаться, я и не ставлю сейчас перед собой такой задачи. Мне важно на конкретном материале показать некоторые принципы лингвокультурологического анализа, которые сложились на основе концепции В.Н. Телия во время работы над [БФСРЯ 2006].

И начну я с самого простого. Наверняка каждый из нас хоть раз в жизни *промокал до нитки* (1), каждый читал или слышал душераздирающие истории о том, что некто *пропил все до нитки* (2) или *проигрался до нитки* (3). Посмотрим, так ли здесь все просто.

В первом случае речь идет о том, что одежда и обувь стала целиком и полностью мокрой. При этом важно, что произошло это случайно,

скорее всего, непреднамеренно со стороны хозяина (очевидно, человек попал под дождь или упал в водоем, будучи одетым).

- (1) Мишу передернуло от озноба, он вдруг почувствовал, что матерчатая куртка промокла **до нитки**. (*А. Маринина, Когда боги смеются*). За окном ее дома в Фешероль шел проливной дождь – точно так же, как 14 января 1978 года в деревушке Котиньяк – в день их свадьбы. Кристин промокла **до нитки**, но все равно светилась от счастья. (*Караван историй, 2000*). По поручению бюро пришлось прокатиться в Сташинский сельсовет. Проверял готовность к сеноуборке. Под дождь попал, промок **до нитки** и высохнуть уже успел. (*В. Тендряков, Тугой узел*).

Понятно, что *нитка* является главной составляющей тканной первоосновы одежды, воспринимается как ее мельчайшая частица и выступает как эталон «предельности», т. е. как предельно допустимая мера членимости / делимости *материала и одежды* в целом. Ср.: «Думаешь сладко в лесу-то бродить? Зуб на зуб не попадает, **нитки сухой** на тебе **нету**» (*Ф. Абрамов, Вокруг да около*). Но здесь важно отметить, что предельный результат «воздействия» на одежду переносится на ее обладателя – человека.

Во втором случае *до нитки* значит «абсолютно все»: человек полностью лишился своего имущества или растратил имущество чужое.

- (2) А третий муж – из вербованных, приехавший на лесозаготовки с Рязанщины (она его больше всех любила) – пропил у нее все **до нитки**, избил на прощание и укатил к своей законной жене. (*Ф. Абрамов, Пелагея*).

И здесь нитка, будучи все той же главной составляющей тканной первоосновы и воспринимаясь как минимальная единица собственности, принадлежащей человеку, выступает как эталон «предельности», но уже как предельно допустимая мера членимости / делимости *материальной собственности* в целом. Она выступает заместителем собственности как таковой, в совокупности всех предметов, ее составляющих.

Этот же «культурный смысл» вычленяется и в следующем случае, когда мы имеем дело с ситуацией, если некто присвоил себе все имущество другого, забрав у него все до последнего и ничего ему не оставив. Понятно, почему здесь появляется «обязательное» неодобрение.

- (3) Ай да господин Неймес, ловкач. Попользовался механиком, получил налаженное – надраенное авто и это бы четверть беды. Главное – обвел сироту вокруг пальца, обобрал **до нитки**, под ножи поставил, а после укатит себе в Париж. Сенькина же планида сидеть у разбитого корыта. (*Б. Акунин, Любовник смерти*). Обобранный **до**

нитки рыночными отношениями трудовой люд тут же обнаружил, что это родимое пятно [Горбачева] вовсе не родимое, а печать зверя. (*МК-Бульвар, 2001*). Маяковский в последнее время чрезвычайно опустился, пил, развратничал, играл в карты азартно (обыграл Асеева **до нитки**) и т.д. (*В. Веишев, письмо М. Веишевой от 16-18 апреля 1930*).

Итак, мы вкратце рассмотрели место *нитки* в метрически-эталонной сфере, когда этот предмет выполняет функцию эталона «предельности». Но это далеко не единственная роль, которую она (*нитка*) может играть. *Нить, нитка, ниточка* может выступать в качестве «связующего звена». При этом она может связывать человека с другим человеком, с тайной и ее разгадкой, с самой жизнью и т. д. Например:

- (4) Лопнула последняя тоненькая **ниточка, связывавшая** меня с разгадкой. (*Д. Донцова, Спят усталые игрушки*). Все ощутили в этот миг, насколько тонка, непрочна **ниточка, связывающая** всех их с жизнью, как просто, буквально в один присест, в один вздох можно ее оборвать. (*В. Поволяев, Остановка на большой земле*).

Вероятно, в данном случае мы имеем дело с древнейшими представлениями, которые зафиксированы еще в древнегреческих мифах (см. мифы о Тесее, которому помогла выйти из лабиринта *нить Ариадны*). Кстати, и сама жизнь может осознаваться как *нить*, что также соотносится с древнегреческой и римской мифологией, с богинями судьбы: мойрами и, соответственно, парками. Как известно, дочери Зевса и Фемиды в греческих мифах ведали судьбами людей: Клото пряла нить жизни, Лахесис распределяла судьба, Атропос в назначенный час обрела жизненную нить.

- (5) Вот эта рука **оборвала нить** зловонной **жизни** доня Сатарина два года назад в Урочище Тяжелых Мечей. (*Стругацкие, Трудно быть богом*).

Но вернемся к «связующей роли» *нитки*. Если *нить, ниточка* связывает человека с жизнью и тайной, то она может, соответственно, привести человека к концу жизни (смерти) или потянуться к разгадке.

- (6) Младенец пока нужен Николаю, Верочка – та **нить**, держась за которую, Костя и Жора пойдут на тот свет. (*Д. Донцова, Спят усталые игрушки*). Поеду туда, поговорю с директором, вдруг выплывет кто-нибудь полезное. Слабая, тонкая **ниточка**, но других пока нет. (*Д. Донцова, Спят усталые игрушки*). Воротилин и Сержантов действуют исключительно чисто, а серьезно копать под них в нашем городе просто некому: руки коротки. Иначе **ниточка может потянуться** очень далеко. (*М. Береговской, Ф. Незнанский, По ложному следу*). Кроме того, особая группа чиновников казначейства со вче-

рашнего вечера сидела и переписывала номера всех купюр, передаваемых Линду. От каждой из них впоследствии **потянется своя ниточка**. (Б. Акунин, *Коронация*). Мальчишка – это уже кое-что. Схватить за худенькие плечи, как следует потрясти, и расскажет, кто его подослал. Вот **ниточка** и **потянется**. (Б. Акунин, *Коронация*). Концы оборваны, **нити ведут** в никуда. (Д. Донцова, *Снят усталые игрушки*).

В нашей повседневной жизни мы часто сталкиваемся с нитками, смотанными в клубок, поскольку это наиболее удобный и древнейший способ их хранения (вспомним, что и Ариадна дала Тесею клубок той самой спасительной нити). Вместе с тем *клубок* связан с идеей «многослойности», запутанности (отсюда и *распутать клубок*). Поэтому не удивительно, что этот образ часто отображается в метафорах, связанных с *нитью*, *ниткой* по образному основанию.

- (7) Однако следует молчать. Только молчать, иначе начнут **распутывать клубок** и сразу выяснят, кто поддерживал Курочко... (Р. Самбук, *Взрыв*).

В выше приведенных примерах *нить*, *нитка*, *ниточка*, выполняя роль «путеводной нити», связывающей человека с внешним миром и самой жизнью, выступает в качестве символа непрочного и легко разрушимого «соединения». Эта символическая функция сохраняется и при метафорическом осмыслении жизни как *нити*. Она основана, в том числе, на представлении о *нити* как о чем-то тонком, непрочном, без труда прерываемом. Не случайно, *висеть на ниточке*, как и «на волоске», значит ‘оказаться в опасности, под угрозой гибели’, ибо *ниточка* эта может легко *оборваться*. См. пример (4), а также:

- (8) Тяжело, невозможно жить. А мы все-таки живы... Вот. Может, через месяц все с голоду подохнем. **На ниточке висим**, вот-вот сейчас оборвется, а мы живы! (Вересаев, *К жизни*). Вы, Зюкин, сильно повредили делу, сообщив о нашем плане Карновичу. Многообещающая **нить оборвана**. Кулята убит. Четверо из его банды... взяты живьем, но толку от них никакого нет. (Б. Акунин, *Коронация*). Очень скоро злоумышленников вычислили... [...] И хотя Егорьевское УВД начало расследование... **ниточка** на этом **оборвалась**. Главных организаторов найти так и не удалось. (МК, 29.01.2002).

В заключение подчеркнем, что столь краткое изложение и сжатое рассмотрение представлений, которые связаны в русском языковом сознании с *ниткой* и которые отражены в языке, никоим образом не претендует на всеобъемлющий и исчерпывающий анализ сквозь призму лингвокультуры того места, которое занимает *нитка* в предметном коде

культуры, и всех тех функций, которые она выполняет в нем. Своей конкретной задачей я видела, так сказать, «демоверсию» лингвокультурологического подхода к описанию фактов языка, выступающих на поле лингвокультуры в роли означающего культурных смыслов и образов, т. е. в роли тел знаков языка культуры.

Л и т е р а т у р а

1. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
2. БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.
3. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
4. *Красных В.В.* Грамматика лингвокультуры: определение некоторых базовых понятий // Мова і культура. Вып. 12, Т. IV (129). Киев, 2009а. С. 62–69.
5. *Красных В.В.* Грамматика лингвокультуры: система координат (постановка проблемы) // Язык – культура – человек: Сб. науч. Ст. к юбилею заслуженного проф. МГУ им. М.В. Ломоносова М.В. Всеволодовой. М., 2008. С. 204–214.
6. *Красных В.В.* Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник ЦМО. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2012, № 3. С. 67–73.
7. *Красных В.В.* Лингво-когнитивные основы воспроизводимости // Вестник ЦМО. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2009б, № 3. С. 54–62.
8. *Красных В.В.* Лингвокультурная идентичность Homo Loquens // Мир русского слова. 2007, № 4. С. 11–15.
9. *Красных В.В.* Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии // Русский язык за рубежом. 2011а, № 4. С. 60–66.
10. *Красных В.В.* Словарь и грамматика лингвокультуры как предмет современных интегративных исследований // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. 2011б, № 5. С. 2–8.
11. *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн, 1992. Электронный ресурс. URL: <http://www.classes.ru/philology/lotman-92f.htm>
12. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века). Электронные ресурсы. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/537293.html> или URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ysp/15.php
13. *Телия В.Н.* Живодейственное наследие культуры в лексикографическом формате «Толково-культурологического словаря фразеологизмов современного русского языка» // Проблемы русской лексикографии. Тезисы докладов международной конференции. Шестые Шмелевские чтения. 24-26 февраля 2004 г. М.: РАН, ИРЯ им. В.В. Виноградова, 2004а. С. 102–105.
14. *Телия В.Н.* Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004б. С. 19–30.
15. *Телия В.Н.* О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей. Вып. 30. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 4–42.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. кол. М.Л. Ковинова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. – М.: МАКС Пресс, 2013. – Вып. 46. ISBN 978-5-317-04486-2

16. *Телия В.Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006б. С. 776–82.
17. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
18. *Телия В.Н., Дорошенко А.В.* Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости несколькословных образований // Язык. Культура. Общение: Сборник научных трудов в честь юбилея С.Г. Тер-Минасовой. М.: Гнозис, 2008. С. 207–216.

**‘PULL THE THREAD – YOU’LL GET THE TANGLE UNWOUND...’
(CULTURE CODE OF ARTIFACTS)**

V.V. Krasnykh

Keywords: culture, linguo-culture, cultural connotation,
lingual-cultural studies, culture code, culture code of artifacts

Abstract

The phenomena of culture and linguo-culture, as well as of culture code are in focus in the given article. The verbal unit *нитка (thread)* is analyzed in order to demonstrate the specifics of the linguo-cultural analysis. The paper sets out to show that this verbal unit plays the role of a signifier of cultural implications in the sphere of linguo-culture.